

Отец закашлялся. Влажно. Как будто в его горле хлюпала слизь.

Я оторвался от учебника по медицине. Мама посоветовала мне изучить его, независимо от того, какую профессию я выберу. Она сказала, что хорошо быть умелым во всём, хотя я уверен, что она всё ещё пытается заставить меня изменить своё решение. Чтобы я пробудился в любви к медицине и предпочёл её музыке.

Ну, вообще-то я не ненавижу алхимию. Она по-своему доставляла удовольствие, как и музыка - в ней были свои правила и сложности, а также радости и разочарования. Итак, я пожал плечами и продолжил учиться под её руководством. В конце концов, лекарства были полезны. Особенно в такие времена, как сейчас.

«Звучит как плохой кашель,» - сказал я отцу, озабоченно отложив книгу. «У тебя лихорадка, отец?»

«Мм, нет» - сказал он, отмахиваясь от моего беспокойства и снова кашляя. «Это просто лёгкие кузнеца. Нормально для рабочего моего возраста. Мой старый учитель говорил, что весь дым, которым мы дышим, превращается в смолу в горле, делая его липким. Вроде как твоя мать работает с парами. Это безвредно.»

Я кивнул с облегчением. Если отец сказал, что всё в порядке, значит, так и есть. В таких вопросах он всегда прав. Тем не менее, кашель его точно беспокоил.

«Звучит не очень приятно,» - сказал я.

Он пожал плечами и повернулся ко мне. Отец криво улыбнулся: «Нет, я думаю, что нет.»

«Подожди» - сказал я и встал. Я направился на кухню, где мама хранила свои повседневные вещи. «Я сделаю тебе что-нибудь, чтобы прочистить горло.»

«Тебе действительно не нужно.»

«Но я всё равно это сделаю.»

Я услышал его смешок с дивана. Он ухмыльнулся в мою сторону: «Ты балуешь своего старика, Роуэн? Я могу быть старым, но я не слаб.»

Я остановился после этих слов. Мои руки перестали перебирать полки, когда я взглянул на него.

«Ты стар?»

«Мне шестьдесят три года, сынок.»

«Но матери девяносто семь».

Он засмеялся: «Амарида живут дольше троллей. Это означает, что ты будешь сильным и здоровым намного дольше, чем другие.» Отец встал с дивана и подошёл ко мне на кухне. «Тебе действительно стоит поблагодарить свою мать за это.»

Я отвернулся от него и вернулся к поискам. «Мама меня не любит.»

Отец усмехнулся. «Не думай так. Твоя мать любит тебя.»

«Она не любит музыку» - сказал я. «Это то же самое, что не любить меня.»

Отец не ответил. Обычно он не отвечал - когда знал, что я со временем пойму, что ошибался. Было бы раздражающе, если бы я не жил с ним так долго. Вместо этого, я почувствовал лишь небольшой укол. Я покачал головой, перебирая глиняные кувшины. Это было не то же самое, что кузнечное дело. Там он хозяин, он знал кузницу. Но я знал мать.

Она слишком строга, чтобы позволить мне тратить своё время на музыку. Не тогда, когда я так талантлив в других вещах, например, в алхимии. И она всегда такая занятая. Такая сварливая.

Зачем создавать семью, если у тебя нет на неё времени? Я не понимаю.

Пока она остаётся такой, мы никогда не поладим.

Словно почувствовав, как в моём мозгу собирается поток угрюмых мыслей, отец нарушил тишину. «Здесь много банок» - сказал он, залезая в шкаф и вытаскивая одну из них. Он открыл крышку и принюхался. Скорчил гримасу. «Ты уверен, что это лекарство? Пахнет тухлым.»

Я взглянул на банку, которую он держал. Ферментированный свиной хлопчатник.

Я погрозил ему пальцами. «Это потому, что это так».

Отец наморщил нос: «Ух» и убрал его. «Лучше не заставляй меня это пить. Я и так болен.»

«Мама кладёт их в твои любимые соленья.»

«Те, которые у нас на ужин с лосями?»

«Ага. И прошлой ночью тоже.»

Он посмотрел на меня взглядом, который сказал мне, что я испортил для него те соленья навсегда. Я ухмыльнулся. «Не волнуйся, отец. У тебя есть тело тролля, гениальный алхимик вместо жены и сын, который будет для тебя и тем и тем. Всё будет в порядке, даже если я отравлю нас обоих. Мать приедет домой на этой неделе? В её письме говорилось, что она скоро приедет.»

«Ты выучил язык, как только тебе исполнилось пятнадцать. Куда пропал мой ясноглазый сын?» - пробормотал он, надувшись, затем замолчал. Отец вздохнул и покачал головой. «Нет, твоя мама не придет. Она ...

«Занята» - перебил я его. Я не хотел слушать как он оправдывает мать. «Как всегда.»

Отец грустно улыбнулся: «Да.»

Я остановился, удивившись. Я не ожидал, что он согласится. Обычно он защищал её - говорил, что её работа важна или что она делает это для нас. Я повернулся к нему и увидел лицо отца. Морщинистое. В возрасте. Каменные скалы на его лице поблекли и потускнели, а под глазами образовались тёмные круги.

Он был всё ещё высоким, всё ещё достаточно сильным, чтобы разбить металл молотком, но ...

Отец был стар.

Я отвернулся и молча кивнул.

После этого мы больше не обменялись словами. Я собрал с полок соль, мёд и рассольный экстракт. Смешал их в напиток. Затем высыпал пыль карциллы в кастрюлю с кипящей водой и добавил в смесь несколько ингредиентов. Замек. Листья Бабона. Измельченные семена кики.

«Твоя мать права насчёт твоего таланта» - сказал отец, наблюдая за моей работой. «Ты работаешь как она. Уверенный в себе. Я никогда особо не увлекался алхимией - она меня пугает. Один неправильный ингредиент - и можно убить невинного покупателя. Однажды я видел, как это случилось. Когда я был ещё странствующим кузнецом.»

Отец наклонился к стойке и уставился в кипящий над огнём котёл.

«Это страшное ремесло, алхимия... И в нём полно пугающе умных людей. Это не для такого простака как я.»

Я постучал мерной ложкой по краю стакана, позволяя порошку упасть и смешаться с его содержимым. «Если тебе не нравится алхимия, то почему ты женился на матери?»

Он улыбнулся.

«Потому что она единственный алхимик, которому я когда-либо научился доверять.»

Хм. Я приподнял бровь, глядя на него: «А я?»

«Она ведь научила тебя, не так ли?»

И это всё, что нужно было сказать. Мама гений, а это означало, что мне суждено им стать. Её ученик не мог быть хуже. Как бы мне не хотелось это признавать, мама хорошо справлялась со своей работой. Отлично. Мастер - вот почему она всегда была так занята.

Я вспомнил человека в шёлковой мантии, который пришёл просить её о помощи чуть больше года назад. У него были малиновые листья вместо волос, усыпанные золотом. Батальон сопровождал его в городе. Я всё ещё помнил, как они с доспехами из живого дерева и искусным снаряжением гуляли по городу, поскольку ничто в нём не могло представлять угрозы. Такого рода процессии не проводили для всех. Все знали, что означает их присутствие.

Член королевской семьи. Саер приехал в город, чтобы найти мою мать. Принц Саммерского дома, ищущий помощи знаменитой Эланы Киндлбрайт.

И с тех пор она не вернулась. Я молча смотрел, как потрескивает огонь.

«... Ты правда думаешь, что она вернётся, отец?» - спросил я.

Отец взял приготовленный мной горячий напиток и проглотил его. Вода не обжигала ему горло даже при кипении. Отец поставил стакан, стукнув им.

«Ты знаешь, как мы с твоей мамой познакомились, Роуэн?»

«Под рябиной» - вздохнул я раздражённо. Я слышал эту историю уже миллион раз: как они встретились и как называли меня в честь воспоминания - в честь дерева и моих похожих на него волос. Но казалось, что отец ещё не закончил.

«Верно» - сказал он - «но под этим деревом мы также виделись в последний раз, пока не прошло девять лет.»

Хм?

«Я думал, вы знаете друг друга с детства?»

«Да» - кивнул отец. «Но, когда я встретил её снова, меня записали к сварщику в Джахенну. Тогда она была студенткой. В одном из Великих колледжей. Мы узнали друг друга в баре, и она пригласила меня выпить. В том баре была хорошая медовуха. Это любимый напиток твоей матери.»

Отец, казалось, на мгновение погрузился в воспоминания. Он криво улыбнулся про себя. Свет огня мерцал в отражении его золотых глаз, смотрящих в прошлое. Отец покачал головой.

«Мы поговорили несколько часов. Хороших, приятных нескольких часов. И когда пришло время прощаться, я в шутку спросил её: «Ты снова исчезнешь на девять лет?» и она засмеялась. «Нет» - сказала она. «Не так долго». И она исчезла на пять лет, как бы в подтверждение своей правоты. Ты можешь в это поверить?»

Отец рассмеялся над этим, как если бы это была шутка, которую могли понять только он и мама. Я мог только смотреть в противоречивой тишине, пока он продолжал.

«Я встретил её снова как независимый кузнец, работающий по заказу армии дома Сумрачной воды. Это было во время последней войны Сближения, и она работала личным врачом главы Дома. Она вошла в мою кузницу, улыбаясь, и первое, что она сказала - ха!» отец рассмеялся, затем закашлялся, прикрыв рот. Он вытер ладонь о фартук кузнеца и улыбнулся. «Она сказала: «Я же говорила, что это не продлится так долго» и я не мог не согласиться. В конце концов, она не лгала. Тогда мы вместе проводили много времени. Она ежедневно посещала мою мастерскую, а я отправлял ей металлические фигурки по ночам. Маленькие птички, цветы и фигурки, сделанные из того металла, который я мог сэкономить.»

«Когда война закончилась, она рассказала мне, что снова отправится в путь. «Исследования» - сказала она. Чтобы вылечить то, что нельзя вылечить. Итак, я изменил свой вопрос. Я спросил: «Когда я увижу тебя снова?» и она ответила: «Когда ты решишь заставить меня остаться.» И я так и сделал. Я искал её и через два года нашёл в сумеречных лесах с группой исследователей, прячущихся от монстров, о которых пишут только в сборниках рассказов. Когда мы сбежали, я сделал предложение. Она согласилась. У нас появился ты. Теперь, годы спустя, когда она решила уйти и помочь дому Саммерски, знаешь, о чём я её спросил?»

Я смотрел на него. Ожидая продолжения. Отец выглянул в окно и улыбнулся.

«Ничего. На этот раз я её ни о чём не спрашивал» - сказал он. «Я был с ней двадцать лет, сынок. И знал её ещё дольше. За это время я понял, что вопросы, которые я задавал раньше, бессмысленны. Я пообещал себе, что больше не буду их задавать. Даже если бы захотел. Нет, на этот раз я просто пожелал ей удачи.»

Я нахмурился: «Ты даже не пытался её остановить?»

Отец положил руку мне на плечо. «Твоя мать угловата, ужасна в отношениях и вспыльчива, как летний лесной пожар. Она приходит, уходит и снова возвращается, как буря, и остановить её было бы самой большой ошибкой в моей жизни. Она свободная душа, Роуэн. Но она не жестокая. Я ей доверяю.»

Я взглянул на отца, и он засмеялся своим громким смехом.

«Я знаю я знаю. Давай, скажи это.»

Хорошо, если он настаивает.

«... Это как-то грустно, отец.»

«Действительно? Я думаю, что влюбиться в ветер - интересный жизненный выбор. Особенно для такого скучного кузнеца, как я.»

«Значит, ты думаешь, мама вернётся?»

«Конечно. И когда она это сделает, всё будет хорошо. Так происходило всегда».

Мать не вернулась.

А, если она и возвращалась, то она не торопилась с этим. Прошло два года после её отъезда, и состояние отца ухудшилось. Он кашлял всё сильнее, и звук был такой, словно его горло превратилось в сухой, сморщенный лист, который мог сорвать любой пролетающий мимо ветерок. Я делал всё, что мог, но его болезнь не являлась обычным недугом.

Он назвал это лёгкими кузнеца. Как будто это обычный кашель.

Но по мере того, как симптомы ухудшались, это стало всё больше и больше напоминать другое заболевание. Сильный кашель, одышка, кровавая мокрота - я был уверен. Это болезнь, от которой никто не мог спастись. Убийца, унёсший больше жизней, чем война, и разрушивший больше семей, чем долги.

Рак.

Отец умирал, и я ничего не мог сделать, кроме как играть песни, чтобы помочь ему уснуть. Сейчас он был там, внизу, спал, пока опухоль медленно пожирала его правое легкое. Целитель сказал, что у него мало времени. Что он может уйти в любой момент.

Мне исполнилось семнадцать лет, и мои пальцы могли танцевать на бансури.

Теперь звуки давались мне легко - словно старые друзья манящие к себе с каждым вздохом и свистом ветра. Я сыграл последовательность аккордов, и они сказали слова, которые я не мог произнести. Мелодия была океаном, с его гребнями и спадами, обрушивающимися волнами и приливами. Медленная, глубокая. Песня с энергией, которая отражала морские просторы.

Я никогда не был у океана лично. В Керите, моём доме, их не было.

Но книги рассказали мне, они них. Что они собой представляют. Большие водоёмы с солёной водой, бескрайние, синие, как небо, омрачённые клочьями белой пены, бьющейся о берег. Это дало мне образ.

А Поющее дерево показало остальное.

Оно позволило мне почувствовать, каково это оказаться в лодке. Прыгнуть в океан и погрузится с закрытыми глазами, позволить воде унести тебя в свою пучину. Оно позволило мне почувствовать необъятность большого мира. Гигантскую красоту океанских глубин.

Я думал о своём отце, пока играл, и песня обретала форму. Если я прислушивался, звук волн сопровождал мою игру. Слабая атмосфера берега, танцующая вместе со звуками раскатов и щебетания бансури. Немного волшебства. Немного мира, танцующего со мной, пока я играл. Это всегда помогало мне усыпить отца.

Изящный трюк. Один из тех, которые я выучил, слушая Поющее дерево.

Дерево молчало теперь почти все дни. Как будто оно умирало. Слабело, как отец. В дни, когда я чувствовал безнадежность, я приходил к нему и садился. В эти дни оно всегда отвечало. Поющее дерево всегда было рядом, когда я нуждался в нём.

Но это не будет длиться вечно. Я знал это теперь, когда отец умирал. Люди не постоянны, и в конце концов они уйдут, как бы вы ни хотели цепляться за них и кричать, чтобы они остались. Так что я попытался учиться у дерева, пока есть возможность, точно так же, как я изучал методы своего отца. Я копировал стиль музыки Поющего дерева. Как я скопировать звук молотка отца.

То, чему я научился у них, дало моей музыке жизнь. Собственную волю. Это превратило песню в танец между мной и личностью моря, тянущегося и раскачивающегося, создающего припев, затем куплет. Живая песня с текстом, который не мог быть исполнен человеком. Слова были слишком хрупкими, слишком простыми, чтобы передать то, что я хотел сказать. Попытка была бы предательством песни.

Смысл потеряется в переводе.

Затем, когда я перебирал пальцами отверстия бансури, что-то вдалеке ответило.

Уд. На далёкой крыше играли струнные. Это был бас моей мелодии, второй голос песни. Человек вдалеке играл на своём инструменте с оговорками, словно прося разрешения присоединиться ко мне.

Я ответил приветственным аккордом, надеясь, что смысл достигнет его.

Так и произошло.

Второй инструмент снова ответил, он заиграл под магию моей песни, свободно переливаясь в такт морской мелодии. Я улыбнулся, открыв глаза, чтобы взглянуть на залитую лунным светом улицу.

Кто бы там ни играл, он всё понял.

Он знал, что мне грустно, и что я пытаюсь быть счастливым. Он знал мою борьбу. Мою любовь к отцу. Мою любовь к музыке. Он слышал это в моём инструменте - в биении волн и в журчании воды, сопровождавшем звук.

Я встал с кровати, играя на своём бансури, и толкнул ногой открытое окно. Я вышел на балкон. Звук моего инструмента разнёсся над крышами домов, сопровождаемый пением волн. Я повысил темп. Чтобы подготовить почву.

Он ответил тем же.

Уд - партнёр моей песни - ответил на мой вызов. Он легко подстроился под мой темп. Он танцевал вокруг мелодии, которую я сочинил, игриво втягиваясь и отдаляясь, словно дразня

меня в ответ.

И это всё, на что ты способен?

Я обнаружил, что встаю, чтобы играть лучше. Отнюдь.

Я играл осторожно, чтобы не разбудить отца внизу. Я сжал губы.

Этого было недостаточно. Мне нужно играть лучше. Громче. Мне нужно было выйти на улицу.

Но оставить отца, когда он так слаб? Так хрупок? Я не знал, что делать. Между песней и угасающей жизнью подо мной, выбор был мучительным.

Но сделать его было легко.

Я не мог оставаться здесь. Я не мог смотреть, как отец испускает свой последний вздох. Возможно, если я уйду, то смогу отсрочить неизбежное. Мудрые люди говорили, что всё настоящему происходит только тогда, когда мы это осознаём.

Если это правда так, я бы сбежал.

Я должен был. Больше ради себя, чем ради отца.

Я не знал, когда, но я шагнул с балкона. Я играл на бансури, балансируя на карнизе, а затем спрыгнул вниз, приземлившись на крышу отцовской мастерской. Я спустился к стене и снова прыгнул. Я приземлился на улице; мои глаза сфокусировались на направлении моего партнера.

Кто бы ни играл, он был в лесу. Глубоко в деревьях, скрытый за высокими стволами и ползучей фауной. Я шёл к нему, играя на улицах, между тёмными домами и высокими, лишёнными света фонарями. Пока земля подо мной не превратилась из булыжника в камень и грязь.

По мере того, как я приближался, звук уда усиливался. Становился ближе. Но всякий раз, когда я проходил мимо куста, уверенный, что найду того, кто играет, звук внезапно оказывался дальше, в другом направлении. Он мерцал и переливался, словно ночная дымка, маня меня за собой. Я так и сделал.

«Кто ты?» - спросил я, остановившись на мгновение, чтобы поговорить с деревьями, переступая через корявые корни и поросшие мхом камни. «Как тебя зовут?»

Уд стал игривым, его источник остался невидим для меня.

Казалось, говоря, что если хочешь получить ответ, сначала найди меня. Вместо слов я ответил настойчивым набором нот, шипя в деревьях о своём любопытстве.

Тогда хватит бежать! Позволь мне тебя поймать!

Ответ в струнах. Смех, щебетание в музыке. Ещё один вызов.

Догоняй быстрее.

Я так и сделал. Я обнаружил, что двигаюсь так быстро, как только могу, пока играю. Я перепрыгивал через корни и пригибался под ветками, ускользая в тень и выходя в потоки лунного света, пробивающиеся сквозь полог. Темп песни увеличивался. Без моего ведома мой

партнёр сменил "океан" на "шторм".

Мои руки начали болеть, но я не останавливался. Я знал, что если остановлюсь, то уд исчезнет. Он говорил это без слов. Он говорил это в гудении своих струн.

Глубоко внутри я знал, что проиграть здесь будет моим самым большим сожалением.

Поэтому я погнался. Заиграл быстрее. Сильнее. Я направил в песню все свои силы, создавая себя в вдохах, а затем выдыхая их в мундштук между губами. Я довёл себя до предела своих возможностей, и что-то во мне изменилось. Песня, которую я играл, затвердела. Она вдруг стала глубже, сложнее, как будто под первым слоем появился новый.

И из моего бансури вырвался звук, который я никогда не думал, что услышу в своей собственной игре.

— — — — —

Язык. Концепция. Идея. Фигура. Форма.

Так много всего в одной строке. Язык вечный, невысказанный, неслышанный. Когда он зазвенел в деревьях, ветер изменил направление.

Порывы летели ко мне, обвивая мои конечности ветром. Облегчая меня.

Моя скорость удвоилась. Я пронёсся сквозь лес, быстрый и проворный, как песня штормового ветра. Кусты и лианы, которые тормозили меня раньше, расступились, как бы давая мне разрешение пройти. Корни под моими ногами вдруг оказались не такими высокими, а препятствия на моём пути вдруг сместились, не в силах преградить мне путь.

Я играл, и мир согласился.

Укреплённый песней, я прорвался сквозь кусты на поляну и увидел пруд света. И там, посреди него, стояла птица. Стояла на воде.

Я понял, кто это, как только увидел её. Маленькая синяя птичка, размером меньше моего кулака. Птица света, слушающая мою песню.

Она была первым, кто послушал мою музыку. Тем, кто дал мне толчок, в котором я нуждался много лет назад.

Моя синяя птица. Мой друг.

Она оторвалась от пруда и полетела вверх, к ветвям дерева, гораздо более высокого, чем все остальные. Она подлетела к мужчине в блестящей одежде, гладкой, как шёлк, и мягкой, как облако, цвета синего и белого, золотого и зелёного. Волосы у него были светящимися листьями звёздного света, и струились до плеч, а туманные глаза словно тысячи кружащихся цветов. Как будто радуга, обретшая форму, смотрела на меня сверху.

«Я нашёл тебя» - это всё, что я смог сказать.

«Так и есть» - улыбнулся мужчина, опуская уд в руках, а синяя птица устроилась у него на плече. «Каково это, дитя, быть тем, кто нашёл Фейри?»

<http://tl.rulate.ru/book/60551/1564323>